

Посвящается Ю. А. Гагарину Стихи В. Высотского

Я первый смерил жизнь обратным счетом.
Я буду беспристрастен и правдив:
Сначала кожа выстрелила потом
И задымилась, поры разрядив.

Я затаился и затих, и замер.
Мне показалось, я вернулся вдруг
В бездушье безвоздушных барокамер
И в замкнутые петли центрифуг.

Сейчас я стану недвижим и гружен
И погружен в молчанье, а пока
Меха и горны всех газетных кузен
Раздуют это дело на века.

Хлестнула память мне кнутом по нервам,
В ней каждый образ был неповторим:
Вот мой дублер, который мог быть первым,
Который смог впервые стать вторым.

Пока что на него не тратят шрифта -
Запас заглавных букв на одного.
Мы с ним вдвоем прошли весь путь до лифта,
Но дальше я поднялся без него.

Вот тот, который прочертил орбиту.
При мне его в лицо не знал никто.
Я знал: сейчас он в бункере закрытом
Бросает горсти мыслей в решето.

И словно из-за дымовой завесы
Друзей явились лица и семьи.
Они все скоро на страницах прессы
Расскажут биографии свои.

Их всех, с кем знал я доброе соседство,
Свидетелями выведут на суд.
Обычное мое, босое детство
Оденут и в скрижали занесут.

Чудное слово "Пуск" - подобье вопля -
Возникло и нависло надо мной.
Недобро, глухо заворчали сопла
И сплюнули расплавленной слюной.

И вихрем чувств пожар души задулο,
И я не смел или забыл дышать.
Планета напоследок притянула,
Прижала, не желая отпускать.

И килограммы превратились в тонны,
Глаза, казалось, вышли из орбит,
И правый глаз впервые, удивленно
Взглянул на левый, веком не прикрыт.

Мне рот заткнул - не помню, - крик ли, кляп ли.
Я рос из кресла, как с корнями пень.
Вот сожрала все топливо до капли
И отвалилась первая ступень.

Там, подо мной, сирены голосили,
Не знаю - хороня или храня.
А здесь надсадно двигатели взывали
И из объятий вырвали меня.

Приборы на земле угомонились,
Вновь чередом своим пошла весна.
Глаза мои на место возвратились,
Исчезли перегрузки, - тишина.

Эксперимент вошел в другую фазу.
Пульс начал реже в датчики стучать.
Я в ночь влетел, минута вечер, сразу
И получил команду отдыхать.

И стало тесно голосам в эфире,
Но Левитан ворвался, как в спортзал.
Он отчеканил громко: "Первый в мире!"
Он про меня хорошее сказал.

Я шлем скафандра положил на локоть,
Изрек про самочувствие свое...
Пришла такая приторная легкость,
Что даже затошнило от нее.

Шнур микрофона словно в петлю свился,
Стучали в ребра легкие, звения.
Я на мгновенье сердцем подавился -
Оно застряло в горле у меня.

Я отдал рапорт весело, на совесть,
Разборчиво и очень делово.
Я думал: вот она и невесомость,
Я вешу нуль, так мало - ничего!

Но я не ведал в этот час полета,
Шутя над невесомостью чудной,
Что от нее кровавой будет рвота
И костный кальций вымоет с мочой...

Все, что сумел запомнить, я сразу перечислил,
Надиктовал на ленту и даже записал.

Но надо мной парили разрозненные мысли
И стукались боками о вахтенный журнал.

Весомых, зримых мыслей я насчитал немало,
И мелкие сновали меж ними чуть плавней,
Но невесомость в весе их как-то уравняла -
Там после разберутся, которая важней.

А я ловил любую, какая попадалась,
Тянул ее за тонкий невидимый канат.
Вот первая возникла и сразу оборвалась,
Осталось только слово одно: "Не виноват!"

Но слово "невиновен" - не значит "непричастен", -
Так на Руси ведется уже с давнишних пор.
Мы не тянули жребий, - мне подмигнуло счастье,
И причастился к звездам член партии, майор.

Между "нулем" и "пуском" кому-то показалось,
А может - оператор с испугу записал,
Что я довольно бодро, красуясь даже малость,
Раскованно и браво "Поехали!" сказал.